

УДК 141.319.8

**Киршин В. А.,**

аспирант,

Центр практической философии «Стасис»,  
Европейский университет в Санкт-Петербурге.**Эго-документ как практика самоидентификации человека в  
современности****DOI: 10.33979/2587-7534-2025-3-39-52**

*Статья исследует эго-документ, раскрывая его как инструмент «самоидентификации» и «практику заботы-о-себе». Автор анализирует эго-документ через призму теорий Б. Гройса, М. Феррариса, Дж. Агамбена и Б. Латура, предлагая новый подход к осмыслению его роли в современной социальной реальности. На основе «теории документальности» М. Феррариса, эго-документ раскрывается как физический объект, фиксирующий социальные акты и создающий «каталог мира жизни». Эго-документ трактуется как актор-посредник, которому делегируется часть человеческой субъективности и который вносит шумы во взаимодействие с другими акторами. Эго-документ предлагает человеку возможность самоидентифицироваться, сшивая разрыв между внутренним содержанием и внешней репрезентацией. Делаются выводы, позволяющие заявить о необходимости философского осмысления данного понятия. Эго-документ уподобляется агамбеновской «форма-жизни», которая связывает свидетельство о себе с социальной реальностью. Он позволяет человеку осмыслить своё содержание, утверждая субъектность через акт письма.*

**Ключевые слова:** эго-документ, эго-документирования, практика заботы, теория документальности, форма-жизнь, субъект, самоидентификация, социальная реальность.

**Kirshin V. A.,**postgraduate student, Stasis Center for Practical Philosophy,  
European University in St. Petersburg.**The ego-document as a practice of human self-identification in modernity**

*The article explores the ego-document, revealing it as a tool of “self-identification” and “practice of care-about-self”. The author analyzes the ego-document through the prism of the theories of B. Groys, M. Ferraris, J. Agamben and B. Latour, offering a new approach to comprehending its role in contemporary social reality. Based on M. Ferraris’s “documentary theory”, the ego-document is revealed as a physical object that records social acts and creates a “catalog of the world of*

*life". The ego-document is interpreted as an intermediary actor to which a part of human subjectivity is delegated and which introduces noises in the interaction with other actors. The ego-document offers the individual the opportunity to self-identify by stitching together the gap between internal content and external representation. Conclusions are drawn to state the need for a philosophical reflection on this concept. The ego-document is likened to Agamben's "form-life", which links the testimony of the self to social reality. It allows a person to conceptualize its content, asserting subjectivity through the act of writing.*

**Keywords:** *ego-document, ego-documentation, care practice, documentary theory, form-life, subject, self-identification, social reality.*

### **Введение**

Эго-документ, вопреки обыденному представлению, обнаруживает нечто большее, чем просто описание человеческой жизни. Введённое Жаком Прессером понятие эго-документа как группы источников в «таких документах, в которых эго, намеренно или случайно, раскрывается или, наоборот, скрывается» [Баггерман, Деккер, 2019], охватывает широкий спектр материалов – от писем и автобиографий до сообщений и постов в социальных сетях. Однако необходимо разделять эго-документ и эго-документирование как процесс внутреннего действия, поскольку оно не ориентировано на других. Формы эго-документа в понимании Ж. Прессера и его последователей не всегда адекватно отражают те феномены и процессы, на которые они призваны указывать. По сути, эго-документы можно рассмотреть и как особую антропологическую практику (документирования), и как её результат, необходимые для самоопределения человека перед тем, как он явит себя во внешнем социальном действии.

Эго-документы могут быть рассмотрены в качестве акторов [Levy, 2003: 23]. В то же время эго-документ – это особая практика, через которую человек свидетельствует о себе. Она связана с исключительным правом человека на «любовь к себе». Если в античности любовь к себе была выражена в достижении гармонического сочетания физических и нравственных достоинств, в Средневековье – духовной зрелости через святость, в Просвещении – в культивировании разума, прав и равенства, то сегодня любовь к себе выражается через заботу-о-себе, автономию и право быть независимым, выражающиеся в оставлении свидетельств о себе.

Оставление человеком эго-документов в современности связано с пониманием социального мира как каталога, поскольку социальный мир оказывается условием и результатом создания документов – свидетельств о себе [Ferraris, 2013: 316] и «труда заботы», которую в рамках статьи мы будем рассматривать как практику заботы [Гройс, 2024: 13]. Эти феномены неразрывно связаны.

Поэтому чтобы понять, что может представлять из себя эго-документ как антропологическая практика самоидентификации и ее результат, необходимо

рассмотреть: 1) как практика заботы выстраивается в жизни современного человека, связанной с документированием себя, 2) как документ определяет социальную реальность и определяется ею, 3) что понимается под свидетельством как документированием себя.

### **I. Забота как практика**

Одним из ключевых последствий стремительного увеличения количества документов в современном мире, а также развития дискурса, посвящённого изучению фигуры свидетеля и его свидетельства, является необходимость радикального пересмотра роли документов-свидетельств, создаваемых человеком о самом себе. Хотя практика создания таких документов ещё не получила четкого философского осмысления, повсеместное обращение к ним [Статус документа, 2013: 5-14; Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве, 2017; Халфин, 2023] требует тщательного анализа причин и механизмов, лежащих в её основе. Первоначально практика документирования, или каталогизации мира жизни, «социального мира и повседневного опыта, то есть мира, находящегося за пределами естественных наук» [Ferraris, 2013: 316-317], воспринимались как чисто технический процесс. Однако сегодня они приобретают новое значение, связываясь с вопросами идентичности и самоопределения [Хелльбек, 2021; Паперно, 2021].

Не менее важной практикой, определяющей жизнь в современном социальном мире, является забота. Эти две практики – документирование и практика заботы – близки, из-за чего их можно рассматривать в качестве параллельно развивающихся. Их общность заключается в общественной и институциональной значимости, которая регулирует современную жизнь. Необходимо проанализировать, как эта связь обнаруживается в современной философии. Борис Гройс в книге «Философия заботы» указывает, что практика [труда] заботы самый востребованный вид деятельности, так как он является высшей целью нынешней цивилизации. «<...> Основная функция [биополитических государств] состоит в заботе о здоровье и благополучии своих граждан. В этом смысле медицина заняла место религии, а больница заменила церковь. Привилегированным объектом институциональной заботы является не душа, а тело» [Гройс, 2024: 13].

Философ подчеркивает тотальность заботы, поскольку она направлена не только на наши тела, но проникает в самую глубь нашей самости, она связана с «символическими телами, которые могут быть описаны только через документы, которые мы активно и пассивно производим (как, например, свидетельство нашего рождения, которое дается независимо от нашего желания). В таком случае, образование человеческого Я или Самости не является личным делом каждого, а строится на принятии регистрации в процессе документирования физического и символического тел» [Гройс, 2024: 13].

Б. Гройс выделяет две формы заботы: внешняя забота и забота-о-себе. Обе формы-модусы существования: первая определяется «зависимостью» от институтов (например, от посещений врача), а вторая может либо

предшествовать, либо сосуществовать с первой, но не может деактивировать её: «...быть субъектом заботы-о-себе не означает право принимать решения относительно практики заботы ... В этом случае практиковать заботу-о-себе означает превратить себя в объект заботы» [Гройс, 2024: 13]. Если Б. Гройс рассматривает заботу как практику, вписанную в социальный институт, то документы представляют собой основание и выражают факт практики заботы.

Таким образом, между практикой заботы и документальным свидетельством полного совпадения нет, но можно обнаружить пересечение. В идеях Б. Гройса и М. Феррариса упускается из виду одна из важных функций документов – их роль в процессе самоидентификации индивида. Это поднимает вопрос, чем отличаются эти практики, если они влияют на представления современного человека о себе? Можно ли предположить существование некоего третьего вида документирования, который не подчиняется условиям биополитики, но может стать основой для таких практик, которые были бы нашими свидетельствами о себе, свидетельствами для нас самих и служили условием для самоидентификации. Невозможно оспорить полностью тезис: «моя идентичность – дело *других*» [Гройс, 2024: 11], но это справедливо не во всех случаях. Когда мы стремимся выразить себя, хотя «занимаем внешнюю позицию, как бы отстраняясь от своей Самости [Гройс, 2024: 13], мы производим «записи» или документы, которые помогают нам отделить наше текущее "Я" от нашего содержания. Эта дистанция необходима, чтобы лучше понять и определить себя. Этому третьему виду документирования также есть место в практиках заботы о себе.

## II. Документ

С конца 1990-х гг. исследователи стали чаще обращаться к вопросу, что такое документ? Это связано с развитием цифрового пространства, благодаря интернету, формированию новых принципов передачи информации, актуализации медиа и социальных взаимодействий. Также появление новых образцов документов, оппозиций (бумажный/цифровой) и нового смысла их оставления меняют статус документа в современном мире. В связи с этим исследования на рубеже тысячелетий были сосредоточены на формировании смыслового горизонта документа как фактора, определяющего существование человека в современной социальной реальности [Weinberger, 1996; Levy, 2003; Buckland, 1997].

О необходимости исследования документов пишет Маурицио Феррарис, разрабатывая «теорию документальности» (2005). М. Феррарис исходит не из вопроса о статусе документа как виртуального или материального артефакта, а обращается к его (статуса документа) условиям формирования, к онтологическим противоречиям в теории социальной реальности Джона Сёрля, изложенной в книге «Рациональность в действии» [Сёрль, 2004]. Дж. Сёрль утверждает, что социальная реальность основывается на коллективной интенциональности – как свойстве, которое присуще сообществу организмов, а не как исключительной особенности мышления. «Если человек эволюционировал от более примитивных видов, следовательно, наши

ментальные способности в чем-то должны быть схожи со способностями других млекопитающих, и интенциональность – это одна из таких способностей» [Левин, 2011: 165]. Коллективную интенциональность можно понимать как работу в команде, в результате которой в человеческом сообществе существует класс речевых актов, называемых декларациями, с помощью которых производятся статусные функции, «базовые строительные блоки социальной реальности» [Левин, 2011: 165]. Именно социальное признание деклараций гарантирует, что определенные физические объекты (например, кусок бумаги) превращаются в социальные объекты (например, банкнота). В данном случае интенциональность является коллективной, поскольку декларирование происходит на уровне языка, который, по Дж. Серлю, – основание для совместного признания некоторых отдельных объектов как социальных. То есть дело в совместном действии. Но теория Дж. Сёрля сталкивается с трудностями при объяснении негативных сущностей, которые, не имеют физического аналога (долги), и нематериальных, социальных объектов, порождаемых интернетом (например, программные коды).

М. Феррарис критикует связку реального и интенционального, которая приводит к нереалистичным утверждениям. Например, по Дж. Серлю, экономический кризис является ничем иным как плодом воображения инфляции. В качестве альтернативного решения итальянский философ предлагает «правило документальности». Содержание правила в том, что «оно не ставит общественную реальность в зависимость от коллективной интенциональности, которая схожа с чисто мысленным процессом» [Феррарис, 2014: 153].

В своей работе «Документальность. Почему необходимо оставлять следы?» (*Documentalità. Perché è necessario lasciar tracce*) М. Феррарис предлагает теорию документальности, которая направлена на решение проблем в теории Дж. Сёрля. Он утверждает, что социальные объекты всегда являются записями социальных актов. Такой взгляд на социальную реальность объясняет, как негативные и виртуальные сущности, наравне с другими социальными объектами, включаются в социальную реальность. Для теории документальности конститутивным правилом социальной реальности является формула «Объект = Зафиксированный акт» [Ferraris, 2013: 318], где «зафиксированный» равняется «записанный». Иными словами, социальный объект является социальным, так как он записан на каком-либо носителе.

Теория документальности объясняет три современных феномена. Во-первых, она позволяет понять причины существенного роста документов и записывающих устройств. Документы имеют способность инициировать процессы, которые неподвластны человеку. «Текущая современность» общества в понимании Зигмунда Баумана [Бауман, 2008], которое характеризуется большой неопределенностью в жизни индивида и социальной жизни, сочетается именно с фиксацией и стабилизацией, вызванной огромным ростом количества записей. Во-вторых, она объясняет, почему социальная реальность, хотя и требует присутствия субъектов для осуществления актов, может развиваться независимо от них и без их ведома (например, экономический спад может

происходить, даже если ни один человек не знает о нём. Фиксирование экономического спада лишь ставит нас перед фактом о его существовании, но никак не влияет на него). В-третьих, вместо того, чтобы представлять социальную реальность в зависимости от действий коллективной интенциональности, документальность «обеспечивает [...] более прочную основу конститутивному правилу, предложенному самым авторитетным теоретиком социальных объектов Джоном Сёрлем правилу, согласно которому "X считается как Y в C" (физический объект X считается как социальный объект Y в контексте C)» [Феррарис, 2014: 153].

Согласно концепции М. Феррариса, документ – это «физическая вещь, простая или сложная, способная получать, сохранять и передавать описательное, образное или фонетическое представление юридически признанного субъекта». М. Феррарис, обращаясь к определению документа, выделяет три сферы, с которыми мы сталкиваемся: «историческую, где “документ” означает все, что кажется полезным для реконструкции прошлого; информативную, которая принимает все вещи, являющиеся носителями информации, и юридическую, где „document“ означает все, что имеет юридическую силу» [Ferraris, 2013: 249]. М. Феррарис не предлагает рассматривать юридический смысл документа только в узком смысле, его можно интерпретировать и в широком значении как «относящийся к общему процессу фиксации всего, что представляется социально значимым, от экономики до религии, в соответствии с анализом, предлагаемым письмом и архиписьмом»<sup>1</sup>, а исторический и информационный смыслы как вытекающие из него. В результате такого подхода документ перестает быть регистрацией голого факта, а становится свидетельством о чем-то *социально значимом*.

М. Феррарис рассматривает человеческого субъекта через нарушение стандартов документов, которые конструируют социальный мир, как «каталог мира жизни». Человек участвует в создании документов юридического типа, которые поддерживают мир в привычном для нас всех состоянии. Например, правила дорожного движения, которые формируют правила и условия для перемещения. Однако также человек создает документы, которые воспроизводят его уникальность (в почерке, произведении искусства и т.п.), отражают личное, присущее только ему одному. Индивидуальное подписывание – это определение своего места в каталоге мира, выражение свидетельства о себе в социальном мире. В этом смысле уникальность субъекта состоит «в особых отклонениях от нормы» [Ferraris, 2013: 320].

Как было сказано выше, Б. Гройс раскрывает то, каким образом индивид утверждает себя как отдельный субъект и как конституирует своё место в социальной реальности. Гройсовское понимание документов связано с практикой заботы, а их функция – создание оснований для такой практики. Во многом ход мыслей Б. Гройса и М. Феррариса пересекается, так как они направлены на общую проблему – место человека в социальном мире, но которую философы решают противоположным образом. Б. Гройс настаивает на конструировании идентичности через практику заботы, что в конечном итоге

приводит к зависимости от институтов, М. Феррарис допускает автономность субъекта<sup>2</sup> через индивидуальное подписывание.

Вопрос самоидентификации человека становится ещё более острым в свете таких теорий, как акторно-сетевой теории Бруно Латура, где объекты рассматриваются как действующие единицы социальной реальности, и проекта реконструкции теории биополитики Джорджо Агамбена, где человеческая уникальность измеряется через биометрические данные, а законность и правопорядок выступают в качестве инструментов уравнивания. Эти теории, как представляется, имеют общность в явном или скрытом виде: субъект идентифицируется преимущественно в институциональных рамках государства, тогда как его самоидентификация остается недооцененной.

Если практика заботы утверждает заботу как высшую ценность нашей цивилизации, а документ формализует и отчасти нормализует эту практику, то следует прояснить, что такое свидетельство, которое заключается в «особом отклонении от нормы».

### **III. Свидетельство о себе**

Ряд документов, которые, предположительно, выполняют функцию самоидентификации и самоопределения человека, мы предлагаем называть эго-документами. В связи с отсутствием философской рефлексии данного понятия, анализ его специфических черт производится через связь с другими философскими концептами.

Ж. Прессер понимает эго-документы как культурные артефакты, закрепленные в качестве элемента предметного поля за гуманитарными науками, прежде всего за историей, филологией. Однако философский статус эго-документов остается открытым, а область их применения, как правило, – связывание событий от микро- до метауровней в единое историческое целое [Jancke, 2002]. В курсе «Эго-документы», прочитанном для студентов Амстердамского университета, Ж. Прессер отмечает, что это было слово предложено, за неимением лучшего, в качестве операционного термина.

Эго-документ, представляющий собой свидетельство о себе, мы предлагаем рассматривать в соответствии с социальной реальностью и внутренней жизнью человека. Дж. Агамбен анализирует понятие «свидетельство» как образующее пространство между языком и архивом, как его понимает Мишель Фуко<sup>3</sup>. Анализируя сборник эссе Примо Леви «Канувшие и спасенные», Дж. Агамбен разделяет акт свидетельства на два модуса: ситуацию выжившего (ненастоящего свидетеля) и невыжившего (истинного свидетеля, который уже не способен свидетельствовать). Дж. Агамбен приходит к выводу, что свидетельство возможно только «через взаимную обусловленность возможности и невозможности речи» [Кобылин, 2011: 122], а истинный свидетель – «единство-различие» этих двух взаимосвязанных частей. «...не имеющий речи заставляет говорящего говорить и [...] говорящий несет в своей речи невозможность говорения, так что в свидетельстве немой и говорящий, не-человек и человек входят в зону неразличения, где невозможно определить

положение субъекта, идентифицировать «воображаемое вещество» Я и, вместе с ним, настоящего свидетеля» [Агамбен, 2012:129].

Аналитический научный подход к понятию эго-документа иной, так как не свидетель оставляет его, а любой человек. Введение в научный оборот эго-документов позволяет изучить под новым углом источники (церковные книги, акты административного производства, судовые журналы и многие другие). Однако понимание эго-документа в связи со свидетельством открывает возможность глубже рассматривать и осмыслять идентификацию людей, которые не оставили индивидуальных подписей, фиксирующих их место в социальном пространстве мира как каталога.

Если М. Феррарис утверждает, что «социальные объекты зависят от субъектов, но они не субъективны», «нет ничего социального вне текста» [Ferraris, 2013: 319], то возможна ли практика самоидентификации человека в социальной реальности? И если да, то существует ли человек как таковой до начала вписывания себя в социальную реальность? А также что мы можем понимать под документом-свидетельством, на который регулярно полагается человек в повседневной жизни? В понимании М. Феррариса, напомним, документы – «физическая вещь, простая или сложная, способная получать, сохранять и передавать описательное, образное или фонетическое представление юридически признанного субъекта». Соединяя формулу М. Феррариса с идеей Дж. Агамбена, можно предложить следующее: *эго-документ – это физическая вещь, способная получать, сохранять и передавать описание и свидетельство о любом человеке, когда он не может не вести речь*. Внешняя забота является следствием заботы-о-себе, так как мы обращаемся в социальные инстанции из внутренней потребности понять себя, помочь себе, сделать себя лучше. Но человеческие практики, которые формируются под влиянием извне, подвержены значимому влиянию того, что человек знает о себе. Например, неверующий, вероятно, не будет говорить о своей тоске по Богу, боящийся скорости не будет велогонщиком, а любитель журналов будет много читать. Но для этого знания о себе человеку приходится обратиться к практике самоидентификации. В этом контексте свидетельство о себе в виде эго-документа невозможно отделить от речи субъекта о своём собственном существовании в социальной реальности. Эго-документ (актор) определенно связан со *свидетельством о себе* (субъективность человека), как внешнее и внутреннее, но остаётся не ясным, как и в каком виде предстаёт связь между ними. В качестве проясняющей аналогии можно обратиться к эссе Дж. Агамбена «Форма-жизни». Философ начинает с того, что указывает на единичность термина жизнь, которая выражена в современной лексике биологией и зоологией: «У греков не было единого термина для обозначения того, что я имею в виду по слову жизнь. Они пользовались двумя терминами, различными по семантике и морфологии: *zoe*’, обозначающим простой факт жизни, присущий всем живым существам (животным, людям или богам), и *bios*, означающим форму или образ жизни, присущий индивиду или группе людей. В современных языках это противопоставление постепенно исчезает из лексики (где оно сохраняется в

таких терминах, как в биологии и зоологии, но уже не указывает на какие-либо существенные различия), единый термин подразумевает общую голую предпосылку, которую всегда можно изолировать в любой из бесчисленных форм-жизни» [Агамбен, 2015: 13]. Иначе говоря, существует серьезный раздел между тем, чем человек является и посредством чего он репрезентируется.

Для интерпретации эго-документа как того, посредством чего человек репрезентируется, можно обратиться к АСТ [Латур, 2014: 44]. В статье мы предлагаем проинтерпретировать эго-документы как акторов-посредников для того, чтобы проследить их значимость для человеческой самоидентификации. Хотя дополнительное обоснование такой интерпретации не может быть осуществлено в представленном тексте.

Эго-документ – это социальный актор, которому человек делегирует часть своих познавательных и коммуникативных способностей. В современной жизни часть присутствия человека представлена через *свидетельства о себе*, оставленные в форме *эго-документов*, через оставление записей о своем существовании. Б. Латур предлагает рассматривать нечеловеческие объекты в качестве делегатов, которые частично замещают человека. Эго-документы могут быть рассмотрены в качестве таких «нечеловеков», содержащих в себе человеческую субъективность, выраженную через свидетельство о себе<sup>4</sup>.

Специфика эго-документа как актора состоит в том, что он может замещать самого репрезентатора, поскольку люди, создавая эго-документы, после уже не могут повлиять на него. Эго-документы обладают всеми характеристиками актора: 1) не могут быть однозначно привязаны ни к полюсу социальному, ни к полюсу нечеловеков, 2) автономны, 3) неоднородны по своей сути. Человек оставляет свидетельство о себе в форме эго-документа, что в итоге становится социальным актом. Его поле реализации – реальность, которую можно наблюдать в оптике акторно-сетевого поля, предназначенного для регистрации подобных явлений. Тем не менее, акторно-сетевая теория не способна полностью зафиксировать человека. Сетевое поле представляет собой лишь голое свидетельство, подобное бумаге, на которой записан акт, но не отражает полноту человеческой субъективности. Таким образом, соединение свидетельства и заботы о себе может служить началом философской концептуализации научного термина «эго-документ».

#### **IV. Эго-документ как «специальное бытие»**

В современном контексте вопрос самоидентификации человека связан с темой одиночества, которая появляется из невозможности консолидации с общностью [Смирнов, 2018: 76] или, напротив, таких из форм единения, которые исключают человека как автономного субъекта [Антипов, 2019].

Ранее мы говорили о том, как Б. Гройс и М. Феррарис вписывают человека в социальную реальность: через порядок и подчинение внешней заботе институтов и через концепт «каталога мира жизни», где у человека появляется возможность проявить себя через «индивидуальное подписывание». Идея М. Феррариса о праве человека на свидетельство о себе и самоидентификацию кажется гуманной и освобождающей, однако подчинённость внешнему не

снимается, человек остаётся ограничен социальной реальностью. С одной стороны, М. Феррарис считает, что конститутивным правилом социальной реальности является формула «Объект = Зафиксированный акт» [Ferraris, 2013: 318], где «зафиксированный» равняется «записанный», но, с другой стороны, в анализе возможностей человека на свидетельство о себе и самоидентификацию формула перестаёт работать, поскольку невозможно репрезентировать в окончательном виде то, что находится внутри человека. Тем более это может сделать только сам человек, так как только он имеет возможность постоянно наблюдать за собой.

Выход из этого может быть найден через оптику, направленную на внутреннее видение, фокусирующееся на части субъекта, его субъектности, «подчеркивающей интенциональность субъекта» [Осницкий, 2009]. В некоторых случаях человек может наблюдать за собой как бы через зеркало. Метафора зеркала не нова. Внимание к пространству зазеркалья восходит еще к средневековым философам [Цыпина, 2014]. Возможность человека встретиться с самим собой строится по аналогии с ситуацией человека перед зеркалом, так как «прежде всего, отражение есть не субстанция, а акциденция, которая не находится в зеркале как в некоем месте, но как в некоем субъекте (*quod est in speculo ut in subiecto*)» [Агамбен, 2014: 58]. По сути, здесь раскрывается «специальное бытие», в котором, говорит Дж. Агамбен, присутствует возможность видеть свой образ и, одновременно, осознавать, что он представлен отдельно от нас и нашего желания, «что наш “вид”, или *imago*, нам не принадлежит. Между перцепцией образа и узнаванием себя в нём имеется промежуток, который средневековые поэты называли любовью. Зеркало Нарцисса есть, в этом смысле, источник любви, неслыханный и жестокий опыт, когда отражение есть и не есть наш образ» [Агамбен, 2014: 60]. Как было сказано в начале, любовь может пониматься как забота о себе. Архитектоника эго-документа как образа себя и «специального бытия» открывает человеку возможность ответить на вопрос «кто я?» В этом смысле, интерес к эго-документам и увеличение количества документов такого рода могут выражать *интуитивную потребность человека в узнавании самого себя и любви к самому себе*.

При рассмотрении эго-документов в качестве «нечеловеков», которые содержат в себе человеческую субъективность, выраженную через свидетельства о себе, нужно очертить значимость данного делегирования для самого субъекта. С одной стороны, эго-документ может быть актором-посредником, вносящим шум во взаимодействие [Латур, 2014: 77]. С другой – он оказывается включен в понимание человеком себя как гибрида, раскрывающегося через свидетельство о себе и образ себя. Если гибриды являются носителями качеств человека, то они помогают действовать и взаимодействовать с другими акторами там, где человек не в состоянии это сделать. К примеру, телескопы сконструированы таким образом, что они и представляют космические объекты и им делегирована человеческая способность видеть. В этом смысле, телескоп является реализацией

взгляда человека, а субъективность воспроизводится в результате акта совместного взаимодействия людей и нелюдей.

Таким образом, сам эго-документ является формой, связывающей жизнь и форму человека в единство, выраженное свидетельством о себе. В процессе эго-документирования происходит связывание между формой (*эго-документ*) и жизнью (*свидетельство о себе*). Это похоже на то, о чем говорил Дж. Агамбен, анализируя термин форма-жизни, – «жизнь, которая не может быть отделена от своей формы, жизнь, внутри которой совершенно невозможно изолировать нечто подобное голой жизни» [Агамбен, 2015: 13]. В результате, наличие отражения человеческого содержания на документальном носителе более значимо, чем документальное знание о человеке с точки зрения институций, знание, полученное через практику заботы. Свидетельство о себе становится социальным фактом, поскольку оно записано, а человек, записавший свидетельство о себе, уже не может не быть тем, кто он есть, в социальной реальности. Таким образом, эго-документ – это форма-жизни, так как именно письмо, «запись» оборачивается властью над человеческой жизнью. В эго-документе, соединяя практику документирования и ее результат, человек единолично проявляет заботу о себе через акт письма.

### **Заключение**

Эго-документы представляют собой форму специального бытия, через которое человек утверждает свою субъектность и реализует самоидентификацию, чтобы подтвердить свое существование в социальной реальности. Отличие эго-документов от других документов в том, что они являются не только носителем, посредством которого удостоверяется наше Я, они являются носителями нашей субъективности.

Практика заботы утверждает заботу как высшую ценность нашей цивилизации, а документ формализует эту практику. Документы в контексте видов практики заботы и заботы о себе выполняют функции: самоидентификации человека, а «индивидуальность проявляется в подписи», так как через них индивид утверждает себя как субъект и конституирует свое место в социальной реальности.

Сама практика документирования понимается как процесс вписывания индивидуальности в социальную реальность как каталог. Однако если практика заботы утверждает заботу как высшую ценность, а документ формализует эту практику, то индивидуальное подписывание – это определение своего места в каталоге мира, которым человек выражает свидетельство о себе в социальном мире. В этом смысле уникальность субъекта состоит в его индивидуализации или «в особых отклонениях от нормы». Именно таким отклонением от нормы является свидетельство. Анализ понятий свидетельства и заботы-о-себе может служить началом философской концептуализации научного термина эго-документ.

Свидетельство о себе в виде эго-документа невозможно отделить от практики документирования субъекта о собственном существовании в социальной реальности. Связь между эго-документом (актором) и

свидетельством о себе (субъективность человека), требует дальнейшего исследования, поскольку они определенно связаны друг с другом, но до конца не ясно, каким образом. В современной жизни часть присутствия человека представлена через свидетельства о себе, оставленные в форме эго-документов, через оставления записей о своем существовании, эго-документ – это социальный актор, которому человек делегирует часть своих познавательных и коммуникативных способностей. Сам эго-документ является формой, связывающей жизнь и содержание человека в единство, выраженное свидетельством о себе.

### **Примечания:**

1) В оригинале: «...the historical where "document" means everything that seems useful for the reconstruction of the past; the informative, which takes in all the things that are bearers of information, in much the way that ".doc" is the file format for writings in Word; and the juridical, where "document" stands for anything with legal standing...Here, at least on my theory, as we see in considering the phenomenology of letters, "juridical" should be understood in a broad sense, having to do with the overall process of inscription of anything that appears socially important, from the economy to religion, in line with the analyses offered of writing and archiwriting» [Ferraris, 2013: 250].

2) Идентичность в понимании Б. Гройса практически то же самое, что субъектность у М. Феррариса. В рамках статьи небольшая разница для нас не принципиальна.

3) «Архив – это не то, что охраняет, несмотря на непосредственную утечку, событие высказывания и сохраняет для будущего его общественное положение беглого; это то, что в первоначале высказывания-события и в теле, в котором оно дано, определяет с самого начала систему его высказываемости. Архив – это вовсе не то, что копит пыль высказываний, вновь ставших неподвижными, и позволяет возможное чудо их воскресения; это то, что определяет род действительности высказывания-вещи; это – система его функционирования» [Фуко, 1996: 130].

4) О документе как об акторе и о делегировании коммуникативных полномочий также пишет Дэвид Леви, понимая документ как «суррогат человека», «акт чревоуверования» [Levy, 2003]. Дороти Смит рассматривает документ как способ выстраивания социального «я» [Smith, 1974].

### **Список литературы**

Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве, 2017 – Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики / ред. Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпанова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2017. 560 с.

Агамбен, 2012 – *Агамбен Дж.* Номо сасер. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. 192 с.

Агамбен, 2014 – *Агамбен Дж.* Профанации / Пер. с итал. К. Толмачёва. М.: Гилея, 2014. 112 с.

Агамбен, 2015 – *Агамбен Дж.* Средства без цели. Заметки о политике / Пер. с итал. Эл. Сарратова. М.: Гилея, 2015. 148 с.

Антипов, 2019 – *Антипов А. В.* Биополитика, биокапитализм и биосоциальность: становление и развитие понятий / А. В. Антипов // Человек. 2019. № 6. С. 174-186.

Баггерман, Деккер, 2019 – *Баггерман А., Деккер Р.* Жак Прессер и традиция еврейской автобиографии в Нидерландах // Неприкосновенный запас. 2019. № 2(124). С. 238-256.

Бауман, 2008 – *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Гройс, 2024 – *Гройс Б.* Философия заботы. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 120 с.

Кобылин, 2011 – *Кобылин И. И.* Возвышенный объект биополитики (Дж. Агамбен о проблеме свидетельства) / И. И. Кобылин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 3(23). С. 118-123.

Латур, 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

Левин, 2011 – *Левин С. М.* Метафизика и общая теория социальной реальности Дж. Сёрла // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. С. 161-170.

Осницкий, 2009 – *Осницкий А. К.* Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 1 // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.03.25).

Паперно, 2021 – *Паперно И.* Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 320 с.

Сёрль, 2004 – *Сёрль Дж.* Рациональность в действии. Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.

Смирнов, 2018 – *Смирнов С. А.* Антропология автобиографии. Часть 1. Автобиография: проблема метода / С. А. Смирнов // Человек.RU. 2018. № 13. С. 66-103.

Статус документа, 2013 – Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / Сборник статей; под ред. И.М. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 408 с.

Феррарис, 2014 – *Феррарис М.* Что такое новый реализм? / М. Феррарис // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 145-159.

Фуко, 1996 – *Фуко М.* Воля к знанию. История сексуальности. Том первый // Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Халфин, 2023 – *Халфин И.* Автобиография большевизма. Между спасением и падением. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 848 с.

Хелльбек, 2021 – *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. Пер. с англ. С. Чачко. 2-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 416 с.

Цыпина, 2014 – *Цыпина Л. В. Н.* Кузанский и Г. В. Лейбниц о философском смысле метафоры зеркала / Л. В. Цыпина // Логико-философские штудии. 2014. Т. 11, № 3. С. 106-119.

Buckland, 1997 – *Buckland M. K.* What Is a «Document»? Journal of the American Society for Information Science. 1997. 48(9). P. 804-809.

Ferraris, 2013 – *Ferraris M.* Documentality: Why It Is Necessary to Leave Traces. Fordham University Press. 2013. 380 p.

Jancke, 2002 – *Jancke G.* History of the Research Group «Self-Narratives in Transcultural Perspective». Zeitenblicke. 2002. 1(2).

Levy, 2003 – *Levy D. M.* Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age. Arcade Publishing. 2003. 240 p.

Smith, 1974 – *Smith D. E.* The Social Construction of Documentary Reality. Sociological Inquiry. 1974. 44(4). P. 257-268.

Weinberger, 1996 – *Weinberger D.* What's a Document? // Wired. 1996. № 4 (8).

**УДК 130.2+7.01**

**Ковалева Е. В.,**

*кандидат философских наук,*

*доцент кафедры философии и культурологии,*

*Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.*

### **Пластические искусства в свете игровых концепций**

**Фридриха Шиллера и Йохана Хейзинги**

**DOI: 10.33979/2587-7534-2025-3-52-61**

*В статье обращается внимание на сложность и проблематичность рассмотрения связи пластических искусств и игровых принципов, а также проводится анализ подходов к данной теме Фридриха Шиллера и Йохана Хейзинги как авторов игровых концепций искусства и культуры.*

**Ключевые слова:** *пластические искусства, игра, игровая концепция культуры, миф.*